

18+

В Татьяна Воронцова

Время черной звезды

Время запретных желаний

Татьяна Воронцова

Время черной звезды

«Издательство АСТ»

2015

Воронцова Т.

Время черной звезды / Т. Воронцова — «Издательство АСТ»,
2015 — (Время запретных желаний)

ISBN 978-5-17-126599-1

Героиня романа Вероника, спасаясь от преследований обманутого бизнес-партнера и несостоявшегося мужа, бежит из России в Грецию. Там она обращается за помощью к незнакомому человеку, и тот предоставляет ей убежище в деревушке Арахова на склоне горы Парнас. Несмотря на дружелюбие местных жителей, ощущение опасности не покидает Веронику. Что заставляет Деметриоса принимать столь активное участие в ее судьбе, и кто общается с ней ежедневно – христиане, соблюдающие традиции православной церкви, или язычники, приносящие жертвы кровавым богам? И вот на каменистые склоны Парнаса ложится первый снег. Женщины Фокиды, Беотии и Аттики начинают отправление древних обрядов. Вакхические танцы, неистовый бег, сексуальное возбуждение, получающее выход в любовных актах под открытым небом и дикой охоте, где дичью бывает не только животное, но и человек – таковы великие дионисийские мистерии, невольной участницей которых становится Вероника.

ISBN 978-5-17-126599-1

© Воронцова Т., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
5	17
6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Воронцова

Время черной звезды

1

К полудню жара стала невыносимой. Устав шарахаться от собственной тени, Ника зашла в первую попавшуюся таверну, выбрала столик поближе к окну и заказала куриный шашлык, салат по-гречески, мороженое и чай со льдом. Она почти не сомневалась, что человек в мешковатых брюках и вылинявшей футболке с надписью «Puma» шел именно за ней (да и пора бы, она исчезла из поля зрения бывшего делового партнера и потенциального супруга неделю назад), но плохо представляла, куда бежать и что делать дальше. Мобильный телефон она утонула в море, зная, что его сигнал может помочь преследователям обнаружить ее местонахождение, деньги (не много, но на первое время хватит) заранее сняла со счета. Что дальше? Затеяться в чужом, древнем и на первый взгляд не слишком дружелюбном городе среди туристов, законных и незаконных эмигрантов, продавцов, покупателей, бездельников, работяг, бизнесменов, политиков, шоуменов, резчиков по дереву, чеканщиков по металлу, штукатуров, ювелиров, чистильщиков водосточных труб, воров, проституток, сутенеров, умников, простофиль, бродяг... Сидеть тихо как мышь. Выходить на улицу в соломенной шляпе и солнцезащитных очках. В мужском костюме. С накладной бородой. Ха-ха!

Пообедав без всякого аппетита, она подсунула под стакан три десятиевровые купюры и закурила сигарету. Бросила взгляд в окно и на противоположной стороне улицы опять увидела этого человека. Он медленно шел по тротуару, засунув руки в карманы, – средних лет, невзрачный, сутулый. Неопределенного цвета волосы, смазанные черты лица. Идеальный «хвост».

В приступе паники Ника подвинулась вместе со стулом назад и нечаянно задела мужчину, сидящего за соседним столиком. Пробормотала стандартное «sorry», выронила горящую сигарету, проглотила пеплом юбку, издала страдальческий стон, вскочила, принялась торопливо отряхиваться... Ее сосед, повернувшись вполоборота, с интересом наблюдал за этой сценой.

– Все в порядке?

Ника судорожно втянула в себя воздух и медленно выдохнула, чувствуя себя полной дурой.

– Да, спасибо.

Они говорили по-английски. Турист?

Усевшись за столик, она подалась вперед и осторожно выглянула в окно. Заметил? Не заметил? Сутулый стоял на углу и курил, глядя себе под ноги. Двигаться с места он явно не собирался.

А может, он вовсе не следит за ней и даже не догадывается о ее существовании, просто болтается по центру в надежде на счастливый случай – щедрая подачка, плохо лежащий кошелек, – как это делают тысячи оборванцев по всему миру. Если бы так, если бы... Но сердце уже стучало как шальное, пальцы леденели, а в голове билась одна-единственная суматошная мысль: куда бежать?

Поддавшись внезапному порыву, она обернулась и тихо заговорила, глядя на темноволосый затылок соседа, пострадавшего от ее неловкости:

– Простите, вы хорошо знаете город? Видите ли, я здесь впервые, и сейчас мне совершенно необходимо выйти отсюда через подсобные помещения или как-то еще... словом, на другую улицу, а потом добраться до окраины и... и...

Мужчина повернулся и окинул ее долгим, внимательным взглядом. Сообразив, что ее недавнее поведение в сочетании с этой странной просьбой может заставить его усомниться в ее

психическом здоровье, Ника вздохнула и уже собиралась встать, чтобы отправиться на поиски запасного выхода, как вдруг он переспросил по-русски:

– На другую улицу?

– О, так вы из России? – Она почувствовала облегчение и вслед за этим еще большую тревогу. – Но как вы...

Легким кивком он указал на ее грудь в вырезе шифоновой блузки.

– У вас православный крест. И вы не гречанка.

Ника с трудом подавила желание прижать руку к груди. Боже, какая идиотка! Не в силах вымолвить ни слова, она в смятении взирала на своего наблюдательного собеседника и жалела о том, что не может провалиться сквозь землю.

Он слегка пожал плечами.

– Это первое, что бросается в глаза.

– Вы правы. Как глупо...

На ощупь расстегнув замочек, она убрала цепочку вместе с крестиком во внутренний карман сумки.

Сумка. Теперь незнакомец разглядывал ее – не слишком большую, но и не слишком маленькую, легко вместившую смену белья, деньги, документы, косметичку, сонеты Шекспира в мягкой обложке... Но зачем таскать все это по городу?

– Здесь есть служебный вход, могу вас проводить.

– А где можно взять такси?

Он не ответил. Встал, бросил на столик несколько монет и не спеша направился в сторону туалетов. Подхватив сумку, Ника устремила за ним.

– Здесь направо, потом все время прямо, до пересечения с проспектом Амалиас. – Незнакомец распахнул перед ней дверь. – Там возьмете такси.

Лавируя между прохожими, она торопливо шла по одной из узких улочек Плаки, стараясь не смотреть по сторонам, боясь увидеть в двух шагах знакомую сутуловатую фигуру, помятое лицо, пустые глаза. Не видеть. Сделать вид, что его здесь нет. Не набросится же он на нее прямо на улице! А может, у него и в мыслях этого нет, ведь она может закричать, ворваться в первый попавшийся магазин, попросить хозяина вызвать полицию...

Полицию? О нет.

То-то и оно.

Не на кого рассчитывать. Некому довериться.

Пока темноволосый незнакомец, которого она так удачно зацепила стулом, вел ее по выложенному кафелем коридору к запасному выходу, она успела разглядеть его крепкие, поджарые ягодицы, обтянутые тонкой тканью хлопчатобумажных брюк, прямую спину, развернутые плечи. Вот бы спрятаться за такой спиной, позволить ее обладателю единолично принимать решения, говорить «доверься мне» и «все будет хорошо» – глупые слова для маленькой девочки, которая потерялась в универмаге.

Рассерженно фыркнув, Ника прибавила шагу. Маленькая девочка – как бы не так! Она умудрилась оставить в дураках человека, который не сомневался в том, что у него все под контролем. Переиграла, надула, выставила идиотом. Теперь он разыскивает ее, чтобы... что? Убить ее? Жениться на ней? Отдать под суд?

Призрак сутулого замаячил прямо по курсу, и она, забыв наставления своего спасителя, метнулась в одну из боковых улочек. Считать повороты... не сбиваться с курса... Высокие каблуки громко стучали по булыжной мостовой. Померещилось или он ее выследил? Выяснить это не было ни малейшего желания. Задыхаясь от быстрого бега, Ника петляла по улочкам Плаки, то пустынным, то – в местах скопления ресторанов и сувенирных лавок – забитых туристами, пока окончательно не заблудилась. Черт! Где здание Парламента? Где метро «Монастираки»?

Голова у нее кружилась, ноги подкашивались, во рту пересохло. Отдышавшись, она спросила у какой-то парочки, где ближайший Макдоналдс, прошла несколько метров, опять шарахнулась в переулок и наконец, уже совершенно измученная, выскочила прямехонько на проспект Амалиас. А вот и «Макдоналдс». Зайти? Не зайти?

Пока она хлопала глазами, из-за угла показался ее преследователь. Теперь уже точно он! Эти волосы клочьями, эту походку «на полусогнутых» она узнала бы из тысячи. Похоже, играть в прятки ему надоело. Или получил соответствующие указания. С решительным видом, не таясь, он пересек площадь и протянул руку с явным намерением вырвать у Ники сумку.

Она инстинктивно отпрянула. Кажется, даже вскрикнула, хотя голоса своего не услышала. Почти не соображая, что делает, выхватила из вертушки около газетного киоска пачку журналов и швырнула ему в лицо. Кто-то изумленно ахнул, высунувшийся из окошка продавец разразился страстными греческими проклятиями. Не дожидаясь, пока он покинет прилавок и присоединится к погоне, Ника бросилась бежать. Выскочила на проезжую часть. Прямо перед ней, как в американском боевике, с визгом затормозил серебристый «Ауди», и водитель рывкнул, не поворачивая головы:

– Садись! Живо!

Поскольку крикнул он по-русски, информация обработалась мгновенно. Ника прыгнула на пассажирское сиденье, захлопнула дверь и крепко зажмурилась, потому что подобный стиль вождения приводил ее не то что в ужас, а в состояние, близкое к коллапсу. Рулевое колесо бешено вращалось вправо-влево, автомобиль маневрировал в потоке с убийственной непредсказуемостью, со всех сторон раздавались гудки и вопли разъяренных водил.

– О господи... – выдохнула она, когда «Ауди» в очередной раз обошел один грузовик, чудом избежав лобового столкновения с другим. – Осторожнее!

– Помалкивай, – процедил ангел-истребитель.

На бешеной скорости он выехал из центра и взял курс на северо-восток.

– Куда мы едем?

– А куда тебе надо?

Ника ничего не ответила. От неожиданности, от стремительности происходящего она слегка отупела. Несколько десятков километров по автобану промелькнули как в кошмарном сне, и, очнувшись от какого-то внутреннего толчка, она увидела за окном указатель на Мандру.

– Куда мы едем? – слабым голосом поинтересовалась Ника, с опозданием сообразив, что этот вопрос она уже задавала.

Ее дважды-спаситель повернул направо, проехал еще метров двести, остановил машину и сухо сказал:

– Сумку давай.

Она помертвела.

– Что?

Минуту он молчал, глядя в другую сторону, как будто из последних сил боролся с подступающим гневом. Не справился.

– Сумку! Я сказал: сумку! Ты что, плохо слышишь?

Повернувшись к ней всем корпусом, он даже не кричал, а рычал и при этом не сводил с нее яростно горящих серых глаз.

– Кто ты такая, черт возьми? Документы у тебя есть?

Не дождавшись никакой осмысленной реакции, он выдернул у нее сумку, поставил к себе на колени, открыл и начал досмотр. Кто знает, что он искал... Оружие? Наркотики? Вдумчиво, страницу за страницей изучил паспорт. Затем с той же методичностью исследовал содержимое ее кошелек, всех внутренних отделений сумки, даже книгу пролистал. На предмет фальшивых купюр?

С едва заметной брезгливой гримасой застегнул сумку и перебросил на заднее сиденье. Уставился на свою пассажирку.

– Вероника.

Она торопливо кивнула, поймав себя на том, что старается произвести на него благоприятное впечатление.

– А ты?

– Дмитрий. Греки зовут меня Деметриос.

– Ты русский?

– Какая разница?

Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Тогда-то она впервые заметила и запечатлела, чтобы позже припомнить, его дымчато-серые глаза с золотистой короной на радужке, темные брови и ресницы, тонкую переносицу, плотно сжатые губы, слегка подрагивающие то ли от возбуждения, то ли от рвущейся изнутри улыбки. Абсолютно чужой человек. Первый встречный – из тех, от кого всегда одни неприятности.

И вдруг что-то подтолкнуло ее изнутри мягкой лапкой, и, смертельно боясь услышать отказ, она попросила сдавленным голосом:

– Спрячь меня, Дмитрий. Помоги.

Слегка приподняв одну бровь, он ждал продолжения.

Она нервно вздохнула.

– Я ничего не сделала. Не совершила никакого преступления. Но меня разыскивает один тип... – Тут к горлу подкатило, и закончить она не смогла.

Подождав несколько минут и убедившись, что продолжения не последует, ее новый знакомый завел машину и вновь выехал на трассу. Ника чуть было не спросила в очередной раз «куда мы едем?». Ей пришлось в голову, что если она это сделает, он выкинет ее из салона на полном ходу.

2

После Мандры дорога стала свободнее, и Деметриос прибавил скорость. В черных очках и рубашке, расстегнутой чуть ли не до пояса, он напоминал киношного гангстера, и у Ники мелькнула мысль, что вот сейчас, в эту самую минуту, такую дурочку, как она, можно запросто прикончить, предварительно изнасиловав, или продать в сексуальное рабство... Она вздохнула. Надеюсь, ничего подобного не случится. Бог любит идиотов! А она за последние две недели совершила столько идиотских поступков, что мама не горюй.

За окном проносились бескрайние поля, засаженные неизвестно чем. Один раз ей помешались хлопковые коробочки, но уточнять она не стала из боязни разбудить в своем спасителе зверя. Он вел машину уверенно, без показного лихачества, на ровных участках разгоняясь, на поворотах аккуратно притормаживая, так что сразу становилось ясно – дорогу эту он знает, как собственный огород.

Она вздохнула еще раз. Вот так. Просто берешь свою жизнь и превращаешь ее в гонку с преследованиями. «Спрячь меня, случайный знакомый!» Ну, спрячет. А что потом?

Дорога серпантинном извивалась по склонам гор. Деметриос закурил, и, наблюдая за движениями его рук, Ника вдруг подумала, интересно, каков он в постели. Странная мысль, он даже не казался ей привлекательным. Отдавая должное его внешности, она тем не менее не могла отделаться от возникшей с первого взгляда смутной неприязни. Слишком яркий для мужчины, слишком заметный. Резкий, горячий, нервный. Дорогие часы с поцарапанным корпусом. В левом ухе поблескивает ободок серьги.

– Во мне есть греческая кровь. – Он заговорил так неожиданно, что Ника вздрогнула. – Мой дед родом отсюда, из Беотии.

– Никогда раньше здесь не была, – пробормотала Ника, чтобы не оставлять его слова без ответа. – Кажется, мы недалеко от Фив?

– Чуть больше десяти километров.

– Так мы едем туда, в Фивы?

Он покачал головой. Стряхнул пепел с сигареты.

– Фивы – большой город. В большом городе легче спрятаться или спрятать кого-нибудь. Если хорошо знаешь город. А я знаю его недостаточно хорошо.

– Где же ты собираешься меня спрятать?

– В одной маленькой деревушке на юго-западном склоне горы Парнас. – Он мельком глянул на нее сквозь темные стекла очков. – Очень здоровое место.

– Ты хорошо его знаешь?

– Каждый камень.

Любуясь Аонийской равниной, посреди которой раскинулся славный город Фивы, Ника постепенно забыла о своих обидах, по большей части вымышленных. Русский парень с примесью греческой крови опять стал казаться рыцарем, пришедшим на помощь прекрасной, но бестолковой даме. Равнина была плоской, как лист картона, из которого выступали поросшие скудной растительностью, пологие склоны гор. Вдоль автомобильной дороги тянулась железная, по которой резво бежал небольшой товарный состав. На открытой платформе сидели рабочие.

Слева от дороги прямо в поле стояла белая церковь. Неподалеку работали сельскохозяйственные машины. А прямо по курсу виднелись величественные склоны горы Парнас, темно-зеленые на фоне ультрамаринового неба.

Деметриос гнал машину на хорошей скорости, и совсем скоро начался подъем.

– Это все еще Беотия?

Они были в пути уже два часа.

– Фокида.

Потом начались повороты, легкое головокружение при взгляде на очередную бездонную пропасть, от которой их отделяло низкое, довольно хлипкое на вид дорожное ограждение, легкая заложенность в ушах, как при взлете, восторг и страх... чувство абсолютной нереальности происходящего.

Попутных машин становилось все меньше, а встречных не было совсем.

– Там вообще люди живут? – не удержалась Ника.

Деметриос снял очки.

– А зачем тебе люди?

– Не пугай меня.

Он усмехнулся.

Арахова оказалась небольшой греческой деревушкой, подвешенной к крутому, чуть ли не вертикальному склону горы и рассеченной надвое автомобильной дорогой, ведущей в музей-заповедник Дельфы. По обе стороны этой единственной артерии располагались сувенирные лавочки и таверны, предназначенные для туристов, с моста открывался головокружительный вид на соседние склоны и теснящиеся внизу белые домики с черепичными крышами, между которыми, несмотря на всю неправдоподобность картины, стояли обшарпанные машины и мотоциклы. Пытаясь понять, как они туда попадают, Ника чуть не вывернула себе шею, но подошедший Деметриос – он покупал сигареты в лавке напротив – решительно взял ее за руку и повел по лестнице вниз.

– Здесь есть отель? – обеспокоенно спросила она.

– Нет. Но есть дом, в котором я живу. Большой дом.

– Ты собираешься поселить меня в собственном доме?

– Есть другие предложения?

– Но...

– Дом разделен пополам. Каждая половина имеет собственный вход. Я буду рядом, но не настолько близко, чтобы тебе стоило меня опасаться.

Дом был действительно большой. Поскольку его строили на горе, все внутренние помещения оказались на разных уровнях: из прихожей в гостиную вели три ступеньки, из гостиной в кухню-столовую – еще три, а из маленького коридорчика в две отдельные спальни – целых восемь. Пока Деметриос ходил на свою половину за полотенцами и постельным бельем, Ника методично обследовала все комнаты, поочередно открывая скрипучие двери с массивными, потемневшими от времени бронзовыми ручками, как в каком-нибудь средневековом замке... а может, в средневековых замках и не было никаких дверей, просто странная фантазия, случайная ассоциация, ведь она до сих пор не опомнилась и не чувствовала себя в безопасности.

На подоконниках, на тумбочках, на столах, на спинках кроватей – повсюду лежал тонкий слой серой пыли. Под ногами хрустел песок и мелкие камешки.

– Здесь есть ведро и тряпка? – спросила Ника вернувшегося Деметриоса.

– В кладовке. – Он показал где и понес в спальню стопку аккуратно сложенного белья. – Горячая и холодная вода тоже есть. Посуда в буфете. Здесь не прибрано...

Ника улыбнулась.

– Я заметила.

– ...но это даже хорошо. Будет, чем заняться. – Он немного помедлил. – Ты голодна?

– Не знаю. Кажется, да. Но я не хочу выходить из дома.

Он внимательно посмотрел на нее, словно хотел убедиться, что она не шутит.

– Скажи, что тебе нужно.

– Ну... может, пару сэндвичей. – Она немного подумала. – Питьевую воду, кофе... На кухне есть кофейник?

– Ладно, я понял. – Деметриос хмуро улыбнулся. – Скоро вернусь. Располагайся.

– Дмитрий, – окликнула она слабым голосом, когда он был уже в дверях. – Почему ты решил мне помочь?

– Ты похожа на девочку, в которую я был влюблен двадцать лет назад.

Она ошеломленно уставилась на него, потом запустила пальцы обеих рук себе в волосы и истерически захохотала.

3

Забираясь после душа в чистую, похрустывающую постель, она была уверена, что уснет сразу же, как только голова коснется подушки. Ничуть не бывало! Оглушительная тишина темной, благоуханной греческой ночи сводила ее с ума. Пару раз Ника даже нарочно кашлянула, проверяя, все ли в порядке со слухом. Чуть погодя ей стало жарко, и она сбросила одеяло. Потом над ухом назойливо зазвенел комар. Дело кончилось тем, что она накинула короткий шелковый халатик, сунула ноги в теннисные тапочки с примятыми задниками и потихоньку вышла на террасу. Этот кипарисовый аромат... это медленное дыхание гор... на побережье, вблизи большой воды, ничего подобного не услышишь!

Дом стоял на окраине, сразу за покосившимся деревянным забором начиналась смешанная роща с преобладанием хвойных, как еще днем заметила Ника, деревьев и жестколистного кустарника, название которого было ей неизвестно. Где-то вдалеке зловеще ухала сова. Под полом террасы кто-то шуршал. Крыса? Еж?

Гм... крыса. Переступив с ноги на ногу, Ника вспомнила про забытое на столе печенье. Возвращаться в дом не хотелось. Такая ночь, к тому же сна ни в одном глазу. Двигаясь медленно и осторожно, словно боясь разрушить колдовские чары, она спустилась по ступенькам в сад. Выложенная растрескавшимися каменными плитками дорожка привела ее к беседке, заросшей диким виноградом, и там, в непроглядной тьме, ей почудился чей-то смутный силуэт. Тень, пятно – чуть светлее, чем окружающий мрак...

– Кто здесь? – крикнула Ника.

Крикнула? Скорее, прошептала.

– Тихо, – отозвался из темноты Деметриос. – Иди сюда.

От звука знакомого голоса ее охватила дрожь, и только тогда она поняла, как велико было напряжение.

– Ты что здесь делаешь?

Он не ответил.

Ника шагнула под своды беседки и остановилась, размышляя, сесть с ним рядом или напротив. Он не шевелился, даже дыхания его не было слышно.

– И все же... Почему ты решил мне помочь?

Медленно он протянул руку, ухватил ее за локоть и усадил рядом. Слабо уловимый, но стойкий запах табака, который сопровождает обычно всех курильщиков со стажем. Крепкая хватка, пальцы сухие и горячие. Приятно.

– А с тобой не бывает такого, что вдруг, ни с того ни с сего, ты начинаешь чувствовать свою причастность к происходящему? – В тишине и темноте его голос, который он умышленно понижал, звучал глуховато, делая каждое слово еще более веским и значимым. – Вмешиваясь в то, что вроде бы не имеет к тебе непосредственного отношения.

– Нет. В то, что не имеет ко мне отношения, я не вмешиваюсь никогда.

– Значит, некоторое время тому назад ты вмешалась в нечто, имеющее к тебе непосредственное отношение – я угадал? – и теперь вынуждена скрываться в горах Центральной Греции, потому что кто-то решил, что оно имеет отношение не к тебе одной.

Слово «кто-то» он умело подчеркнул интонацией голоса, как драматический актер, и Ника помимо собственной воли чуть было не начала оправдываться перед ним. Этого только не хватало!

Дыхание ее участилось от гнева. Или от страха. Или от того и другого одновременно. И вдруг она поняла, почему он сидит здесь, в беседке, увитой стеблями дикого винограда. Ее проблемы его никоим образом не касаются, он и так сделал для нее слишком много и сейчас

имеет полное право спать сном праведника на своей половине дома, но... Он здесь, чтобы убедиться в надежности предоставленного ей убежища. Что, если их выследили?

Вот именно. Что?..

Ника не могла представить своего худощавого спасителя отважно сражающимся с бандой вооруженных наемников. Стоп! Стоп! Какие наемники? Она поторопилась обуздать не в меру разыгравшееся воображение. Между тем Деметриос ждал ответа. Сидящий без движения, почти невидимый, он все же умудрился внушить ей необходимость предстоящего объяснения.

– Ты прав. – Она перевела дыхание. – Я вмешалась. Вмешалась в нечто такое, что имеет отношение не ко мне одной. Возможно, я совершила ошибку. Даже наверняка. Но ведь этого уже не изменишь, правда?

Он молча разглядывал ее в темноте. Взгляд его жалил Нику, как могла бы жалить крапива при неосторожном касании, машинально она почесала щеку и участок плеча, не прикрытый рукавом халата.

Спустя некоторое время опять послышался его тихий голос:

– Не изменишь. Этого уже не изменишь. Но кое-что можно предотвратить. – Он еще немного помедлил. – Если знать что.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе, кто меня преследует и зачем? Но я и сама не знаю. Этого человека, который ходил за мной по Плаке, я никогда раньше не видела. Просто обратила внимание, что куда я, туда и он. А потом, на площади... ну, ты видел. Я могу только предположить, кто приставил его ко мне, но...

– Речь идет о деньгах?

– Не только.

– О больших деньгах?

Ника вздохнула.

– У меня даже в мыслях не было кого-то разорить или обокрасть. Я всего лишь взяла свое.

– Но не все согласились с тем, что это твое?

– Ага, – кивнула Ника и глуповато шмыгнула носом.

Ей вдруг опять захотелось, чтобы нашелся кто-то, способный решить все ее проблемы, а главное, имеющий желание сделать это.

– Кто эти люди? – продолжал расспрашивать Деметриос. – Чего от них можно ожидать?

Ну вот, ну вот! Теперь она обязана сказать ему правду, после которой он, скорее всего, велит ей убираться к чертовой матери... или нет?

– Дай мне еще немного времени, – неожиданно для самой себя жалобно попросила Ника.

– Хотя бы до завтра. Ведь в ближайшие два-три дня к нам никто не нагрянет?

– Надеюсь, что нет, – усмехнулся он. И после паузы добавил: – Если только тебя не разыскивает Интерпол или еще какие серьезные ребята. – Зевнул, слегка передернувшись всем телом. – Иди спать, Ника. Ничего не бойся.

Вот! Те самые слова.

Облегченно вздохнув, она встала, вышла из беседки... и остановилась как вкопанная. Весь мир выглядел странно застывшим, даже листочки на деревьях, видимые при свете луны, не шевелились, будто отлитые из серебра. Лунный свет, пробивающийся сквозь рваные облака, заливал сад бледным, холодноватым светом, тишина звенела в воздухе ангельскими колоколами, а за забором, справа и слева, группами по три, по четыре, по пять человек, стояли одетые в пеплосы женщины и все до единой смотрели на Нику. Контурные, словно обведенные светящимся грифелем... нечеловеческое сияние глаз...

Из этого состояния оцепенения ее вывел Деметриос, достаточно фамильярно подтолкнув в спину между лопаток. Ника рванула вперед по дорожке. Он шел за ней. Уже на пороге взял ее обеими руками за плечи, повернул к себе, склонился к самому лицу.

– Спи спокойно. Тебя никто не потревожит. Поняла?

Она машинально кивнула. Улыбнувшись краешками губ, Дементиос еще раз легонько сжал ее плечи, затем выпустил и сделал шаг назад.

4

Едва переступив порог, он понял, что она уже здесь. Не видя, не слыша, но чувствуя ее присутствие кожей. Каждым нервом. А через минуту прозвучал шепот:

– Иди ко мне.

Медленно он расстегнул рубашку. Бросил на спинку стула. Ожидающая его в постели женщина нетерпеливо шевельнулась.

– Никогда ты не научишься покорности.

– А она тебе нужна, покорность моя? – насмешливо поинтересовался Деметриос. – Нужна, Иокаста?

– В настоящий момент, – промолвила та почти без голоса, – только это мне и нужно.

Он рассмеялся от удовольствия.

– Тогда вставай и уходи. Потому что сегодня как раз такая ночь, когда я могу предложить тебе все, за исключением покорности.

Он сбросил оставшуюся одежду и прилег рядом. Ласковым, дразнящим движением провел пальцами по ее груди, животу.

– Зачем ты привез ее сюда? – спросила Иокаста сквозь зубы.

Не отвечая, он втиснул ладонь промеж ее горячих, гладких бедер.

– Зачем?

Под градом его поцелуев она продолжала расспросы, сердясь, негодуя, чередуя упреки с угрозами и проклятиями. Не обращая внимания на все эти штучки, лишь изредка стискивая зубы, когда ее ногти впивались ему в спину, Деметриос двигался внутри ее, на предельной глубине, в том жестком и упоительном ритме, который – он знал – в скором времени должен был привести ее в состояние блаженного неистовства. Да, не яростного, а блаженного.

И вот превращение началось. Превращение Иокасты Укротительницы в Иокасту Укрощенную. Похоть разливалась по стройному изогнутому телу, затапливала мозг. Кожа на щеках постепенно краснела, взгляд затуманивался, с губ срывались хриплые, бессвязные восклицания. Стараясь, чтобы этот сладкий жар охватил ее всю, до кончиков ногтей, Деметриос обеими руками придавил к ложу плечи богини и вошел еще глубже, резко и страстно. Она закричала, как птица. Его напор возрос.

Над их головами сверкнула белая молния...

Теперь Иокаста кричала без умолку, длинные волосы извивались на подушке, как змеи, он тоже не останавливался, так что казалось, еще немного – и от обоих повалит дым.

– В этом году мы встретим нашего господина как надо, – прошептал Деметриос, целуя ее, бьющуюся в экстазе, кусающую губы от нетерпения.

– О да, сделай это... – простонала Иокаста, еще шире раскрывая повлажневшие от пота бедра, подставляя ему себя, точно сосуд.

– У нас будет настоящий праздник, – добавил Деметриос.

И умолк, отдавая ей свою силу. Силу воина и охотника. Иокаста впитывала в благоговейном восторге.

– Настоящий праздник? – переспросила она чуть погодя, сделав упор на слове «настоящий».

И открыла глаза. Зрачки ее были расширены, ресницы – мокры от счастливых слез.

– Эта женщина... за ней придут мужчины.

– Они преследуют ее?

– Да.

Через распахнутое настежь окно в спальню врвался свежий ветер с гор, холодил разгоряченные тела на измятой постели. И еще оттуда, снаружи, доносились звуки, напоминающие

звуки цимбал, которые услышала и Ника из своей комнаты в другой половине дома. Услышала, привстала, испуганно глядя на занавешенное окно. Музыка?.. На память ей начали приходить самые невероятные истории о горе Парнас, прочитанные в путеводителях по Греции и сборниках греческих мифов. Неистовые ночные танцы фиад, чередующиеся с любовными соитиями – все на грани безумия, все на пределе сил, – стремительный бег к вершине, где должно состояться великое таинство. Но что эта музыка означает сейчас?

– Ты считаешь, что здесь, в твоём доме, ей ничто не грозит? – подумав, спросила Иокаста.

– Пока нет.

– Она им нужна? Очень нужна?

– Похоже, что да.

– Значит, рано или поздно они ее найдут.

– Конечно. – Повернув голову, Деметриос коснулся губами ее виска. – Рано или поздно найдут. Но не раньше, чем меня.

– Поступай как знаешь. Но помни, я рядом.

Она уже дремала, вытянувшись на постели, как молодая львица, а он все сидел на подоконнике, глядя на клубящийся выше по склону серебристый туман, и курил сигарету за сигаретой. Ветер стих вместе с музыкой. Казалось, тронь воздух – и он разобьется вдребезги, осыпая сверкающими осколками крыши близлежащих домов.

Мой дом? Моя земля? Мой бог?

Взгляд Деметриоса был устремлен туда, где за ключьями тумана скрывались легендарные вершины Тифорея и Лекорея.

Случай увел меня отсюда, случай привел назад.

Эти мысли, неизменно шокирующие, тревожащие, побудили его спрыгнуть на землю и легко, бесшумно двинуться через сад к гаражу.

Рев мотора потревожил сон Иокасты. Она узнала его и сразу поняла, куда направился ее беспокойный возлюбленный. Тихонько вздохнула. Обняв обеими руками подушку, уютно зарылась в нее щекой. Когда она вновь погрузилась в сладкую дрему, Деметриос был уже на полпути к Дельфам.

5

Кофе, горячий и ароматный, вернул ей утраченный оптимизм и надежду на то, что все обойдется. И как греки умудряются готовить такой восхитительный кофе? Ведь даже в самой захолустной греческой таверне можно получить чашку кофе, достойную королевского стола. Этот вопрос Ника и задала Деметриосу, сидящему напротив.

– Вода, – ответил он и улыбнулся. Сделал еще глоточек. – В других местах наверняка есть свои секреты, но здесь, на Парнасе, прежде всего вода.

– Кастальский ключ, – догадалась Ника.

– В Дельфах много источников. Кастальский ключ просто самый обильный и знаменитый.

– И знаменит он... – Ника наморщила лоб, изображая очаровательную дурочку, как делала всегда, когда хотела дать возможность мужчине блеснуть интеллектом. – Кажется, через воды этого источника можно получить доступ в подземный мир?

– В связь между верхним и нижним мирами верили с древнейших времен по всей территории Греции. Но в Дельфах местом, где осуществлялась эта связь, был омфал, каменный пуп. А вода – в Лерне.

Сегодня на нем светлая, в тонкую черную клетку, рубашка с закатанными до локтей рукавами, что позволяет любоваться загорелыми мускулистыми предплечьями, на одном из которых – Ника заметила только сейчас – белеет небольшой ровный шрам. Спросить? Не спросить? Не про шрам, про ночной концерт.

Она рискнула спросить.

– Да, музыка, – ответил Деметриос после небольшой паузы. – Звуки цимбал. Думаю, это проделки ветра. Здесь, на склонах Парнаса, можно увидеть и услышать такое, чего не увидишь и не услышишь нигде больше.

– Правда? – Она смотрела на него, не отрываясь. – И что же? Что еще?

– Местные жители часто видят женщин-привидений, которые при жизни были фиадами. Эти женщины внушают им такой же страх, как жителям Валахии – вампиры, и они уверяют, будто при появлении фиад верхушки елей склоняются до земли.

Все это он произнес абсолютно бесстрастно, не моргнув глазом. Ника почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Фиады? Мм... Те, что во имя Диониса живьем разрывали на части лесных зверей и даже людей?

– О нет, ты путаешь, Вероника. Фиады – это жрицы, храмовые жрицы в Дельфах. А менады – охотницы.

Наблюдая за тем, как он не спеша отрезает острым ножом кусок хлеба – не белого и не черного, а просто хлеба из муки грубого помола, какой подают во всех греческих тавернах, – и аккуратно намазывает сверху яблочный джем, Ника не могла отделаться от ощущения опасности. Причем опасности, исходящей именно от него. То есть она была абсолютно уверена, что лично ей ничто не угрожает, по крайней мере сейчас, но Деметриос больше не казался надежным, честным, благородным, словом, «хорошим парнем» из вестерна. Его руки... Ни с того ни с сего она представила их сжимающими оружие куда более внушительное, чем кухонный нож.

Он перехватил ее взгляд. Чтобы сгладить неловкость, она поспешила задать новый вопрос:

– Дельфы далеко отсюда?

– Восемь километров. Арахова стоит на месте античного города Анемория, служившего форпостом дельфийского святилища. В 480 году до Рождества Христова здесь были остановлены персы, а в 279 году – галлы.

– А мы можем... ты можешь отвезти меня туда?

Глаза его весело сверкнули.

– Ты же собиралась сидеть в четырех стенах до тех пор, пока твои преследователи не телеграфируют о своем решении больше не беспокоить тебя.

– Да, собиралась. Но это же несерьезно, правда? То есть, – она покусала нижнюю губу, – неразумно. Если они доберутся до Араховы, то найдут меня и здесь, в твоём доме. Даже если я не буду выходить на улицу.

Деметриос молча смотрел на нее с нескрываемым одобрением.

– Я очень хочу увидеть храм Аполлона, и Толос, и Кастальский ключ. – Она робко улыбнулась, поймав себя на желании извиниться. – Увидеть собственными глазами то, что раньше видела только на фотографиях. Покажи мне Дельфы, Дмитрий, пожалуйста.

Он допил кофе, откинулся на спинку стула – все стулья в доме были одинаковые, тяжелые и громоздкие, с высокими деревянными спинками, украшенными замысловатой резьбой, – закурил сигарету и после коротких раздумий произнес:

– Тебе нужна шляпа от солнца. И удобная обувь. Там есть места, где не пройти на каблуках.

Вытянув ногу, Ника продемонстрировала белые теннисные тапочки, которые уже начала считать домашними.

– Такая подойдет?

– Да, – кивнул Деметриос. Еще один быстрый внимательный взгляд. – У тебя ведь не очень много вещей, правда?

– Не очень, – подтвердила Ника.

– Я могу отвезти тебя в Фивы, там есть магазины одежды и обуви.

Постукивая ногтями по столу, Ника размышляла над его предложением. Кто знает, сколько времени придется проторчать в Арахове. Вдруг до осени... или до зимы... или... Пара джинсов не помешает. Наличные у нее есть. Есть и счет в банке, который вряд ли контролируют преследователи. Это всегда был особенный счет. На случай... в общем, как раз на такой случай, как сейчас.

Вздыхая и по привычке ругая себя за легкомыслие, она встала из-за стола.

– Это просто здорово, Дмитрий, спасибо. Я только вымою посуду, ладно? И переоденусь.

Он тоже поднялся.

– Жду тебя у калитки.

Разделавшись с посудой, Ника прошла в «свою» комнату – несмотря на то что соседняя была просторнее и светлее, она поселилась именно в этой, где стояла громадная кровать со зловеще прекрасной кованой спинкой, а в воздухе витали ароматы древнего волшебства, – вытряхнула из сумки все лишнее, надела вместо трикотажной майки батистовую блузку с длинным рукавом, похожую на просторную мужскую рубашку, торопливо провела расческой по волосам и выскочила из дома под раскаленное июльское солнце.

Она все гадала, каким же образом подъезжают к своим домам на автомобилях местные жители, и наконец увидела эту сказочную дорогу – грунтовую, разумеется, – извивающуюся на безбожно крутом склоне горы, точно пьяная змея. Но теперь ее мучил другой вопрос: почему вместо серебристого «ауди», на котором они совершили пробег от Афин до Араховы, их везет черный «судзуки гран витара»? Из каких соображений Деметриос поменял машину? Задать его она не решалась (быть может, просто не хотела ничего об этом знать), но проделать весь путь в молчании полагала уж вовсе невыносимым, поэтому возобновила разговор о местных достопримечательностях.

– Ты сказал, здесь были остановлены персы?

– Да. Об этом писал Геродот.

Деметриос как раз вырулил на асфальтированную дорогу, и Ника перестала ждать, что они вместе с машиной вот-вот закувыркаются вниз по склону, ломая кусты.

– Расскажи мне. Пожалуйста.

Лучше Геродот, чем неприятные вопросы или гнетущее молчание.

– Когда персы пришли из Дориды в Фокиду, – начал Деметриос тоном вкрадчивым и злобным, каким рассказывают страшные сказки на ночь, – то не смогли захватить всех фокийцев, так как часть их бежала на высоты Парнаса. Другая же часть спаслась бегством к озольским локрам в город Амфиссу по ту сторону Крисейской равнины. – Умело играя интонациями голоса, он всецело завладел ее вниманием. – На пути вдоль реки Кефиса варвары уничтожили огнем Дримос, Харадру, Эрохос и другие великие города. Миновав Парapotамии, они прибыли в Панопей. Здесь войско разделилось на две части. Большая часть во главе с Ксерксом проникла в Беотию, меньшая же часть с опытными проводниками двинулась к дельфийскому святилищу, оставив Парнас на правой стороне. Это войско опустошало все на своем пути. Огню были преданы города панопеев, давлиев и эолидов. Целью было разграбление дельфийского святилища и передача его сокровищ Ксерксу. Узнав об этом, дельфийцы спросили оракул: закопать храмовые сокровища в землю или вывезти из страны. Однако бог запретил им прятать сокровища. Он сказал, что сам защитит свое достояние. Получив такой ответ, дельфийцы занялись собственным спасением. Жен и детей отослали в Ахею, имущество перенесли в Корикийскую пещеру, а сами укрылись на вершинах Парнаса. В городе остались лишь шестьдесят человек и прорицатель. – Сейчас, когда он читал эту своеобразную лекцию, стал заметен легкий акцент, характерный для русского человека, долгое время прожившего за границей. – Когда варвары были уже близко, прорицатель по имени Акерат заметил, что священное оружие, которого никто не должен был касаться, вынесено из мегарона и лежит на земле. Прорицатель пошел сообщить об этом чуде людям, оставшимся в Дельфах. А когда персы достигли храма Афины Пронеи, случилось еще более великое чудо: с неба пали перуны, а с Парнаса низверглись две каменные глыбы и поразили множество персов. Из храма Афины Пронеи донесся боевой клич. Все эти знамения привели варваров в ужас. Дельфийцы же, увидев бегство врагов, спустились с гор и многих перебили. Оставшиеся в живых персы бежали сломя голову вплоть до Беотии. По возвращении на родину они рассказывали еще и о других знамениях: два воина выше человеческого роста преследовали их и разили без пощады. Это были, по словам дельфийцев, два местных героя – Филак и Автоной, храмы которых находятся поблизости от святилища Аполлона: Филака – на самой улице выше святилища Пронеи, Автоноя – недалеко от Кастальского источника у подножия утеса Гиампии. А низвергнувшиеся с Парнаса обломки скал уцелели до нашего времени и лежат в священной роще Афины Пронеи.

– Потрясающе. – Ника с любопытством разглядывала его профиль. – Значит, перуны. Ты в это веришь? Интересно, верил ли Геродот.

– Ему незачем было верить или не верить, – невозмутимо ответил Деметриос. – Он просто записывал истории, которые слышал от людей. Вот люди, которые ему эти истории рассказывали, скорее всего, верили.

Позже, перебирая в памяти события этого дня, Ника заклеила Фивы как тесный, пыльный, суетливый город. Полно машин, в том числе грузовых. За все время пребывания в Афинах ей не попадалось на глаза столько грузовиков, сколько в Фивах за час! Раза три как минимум они застревали в пробке, когда же Деметриос наконец припарковался во дворе четырехэтажного жилого дома и предложил прогуляться по улице в поисках подходящих магазинов, она почувствовала себя осужденным, которого приглашают на казнь. Глубоко вдохнула – еще немного воздуха перед погружением в этот горячий бульон, о боги, – и, прижимая к себе сумку, выбралась из авто. По сравнению с кондиционированным салоном на улице творилось такое... В первый момент у нее даже потемнело в глазах. И это называется благоприятный климат? Все глянцевые брошюры для туристов следует немедленно сжечь!

Первым магазином, который они посетили, был продовольственный, потому что там продавалась минеральная вода. Деметриос решительно сорвал пробку с пластиковой бутылки и галантно протянул бутылку Нике. Взгляды их встретились.

– Сначала ты, – произнесла она немного нервно.

Ясные серые глаза с золотистой короной на радужке. Глаза правителя.

– Я?.. Ладно.

– И ты не спросишь почему?

Едва заметная улыбка.

– Я догадываюсь.

С волнением, объективно неуместным в данной ситуации, Ника следила за тем, как он подносит бутылку к губам, делает аккуратный маленький глоток, затем еще глоток, щурит уголки глаз, как будто проникающий с улицы солнечный свет внезапно сделался раздражающе ярким, беззвучно смеется и передает бутылку ей.

– Раздели со мной воду, женщина.

Ладно, пусть так. Почти по Фрэнку Герберту. Раздели со мной воду и войди в мое племя. Не спуская с него глаз, Ника начала пить.

Голубые джинсы, которые она примерила первыми, сели хорошо, но не понравились Деметриосу. Совершенно непринужденно и, пожалуй, неожиданно для них обоих он подключился к выбору модели, и его слово стало решающим. Ника остановилась на узких синих джинсах с заниженной талией, которые сделали ее похожей на ящерицу, к ним взяла две одинаковые белые футболки, шерстяной джемпер крупной вязки и бейсболку цвета хаки. Выходя из магазина, где крутились два громадных вентилятора, под небо, напоминающее разверстую пасть огнедышащего дракона, озабоченно спросила:

– Что же мне еще нужно?

– Шуба, валенки... – Деметриос заглянул в пакет с джемпером. – Впрочем, в особо сильные морозы можно не выходить из дома.

Далеко не сразу она поняла, что это шутка.

– Бессовестный! Я вспомнила, что мне нужно. Обувь. Здесь поблизости есть обувной магазин?

Часом позже, загружая в багажник пакеты с вещами, Ника опять задалась вопросом: с какой стати он вообще нянчится с ней? Не то чтобы она утратила веру в человеческую добродетель, но делать ставку исключительно на нее все же остерегалась. К тому же терпеть не могла чувствовать себя в долгу перед человеком, который ей нравился. Хотя здесь она, возможно, лукавила... да, скорее всего.

Объявив себя худшим в мире экскурсоводом, Деметриос показал ей из окна автомобиля Археологический музей, сообщил, что входной билет стоит два евро, и далее уже без остановок проследовал на юг. Там, на южной окраине Фив, высилась древняя крепость Кадмея.

Все пространство между разрушенными древними стенами заросло травой, местами сожженной солнцем в пыль, и папоротником. Серая каменная кладка, почерневшая на стыках, уходила под землю на первый взгляд не глубоко, но чтобы увидеть полы вскрытых подвальных помещений, приходилось наклоняться, стоя на самом краю. Давным-давно на территории этого дворцового комплекса располагался культовый центр дионисийской религии – Деметриос сообщил, что его возникновение можно отнести к XIV–XIII векам до нашей эры, – вот теперь здесь бродят бестолковая блондинка, вечно попадающая впросак, и ее загадочный покровитель.

Мысленно Ника употребила именно это слово – загадочный. Почему? Не потому ли, что у нее имелась внутренняя потребность в загадках?

– Точная топографическая ориентировка невозможна из-за сегодняшней застройки, – говорил между тем мистер Загадка, стоя с ней рядом и глядя туда же, куда и она, – но при

сносе некоторых современных зданий производились раскопки, и в одном месте археологи обнаружили стену микенских времен, не погребенную под слоями более поздних периодов. Вон там, – он указал рукой, – во времена Павсания показывали знаменитый «брачный чертог» Семелы, где был зачат Дионис, а сама Семела сожжена молнией. Об этом чертоге знал Еврипид, о нем же упоминается в надписи на сокровищнице фиванцев в Дельфах, которую ты скоро увидишь своими глазами.

Медленно ступая по ковру из сухой травы, они приблизились к ничем не примечательной большой прямоугольной плите из серого камня, лежащей на другой большой прямоугольной плите из серого камня, вокруг которых были в беспорядке разбросаны камни поменьше. Брачный чертог. Пара камней со сколотыми углами и гранями, местная достопримечательность, любопытные взгляды людей, не знающих о тебе, мать бога, ровным счетом ничего. Какой ты была? Ну, любопытство твое, положим, общеизвестно... Чем отличалась от женщин, проживающих по соседству? Почему Зевс выбрал именно тебя?

– В «Вакханках» Дионис находит здесь уже не чертог, а могилу своей матери, однако могила эта была подобна многочисленным могилам Ариадны, за которые выдавались алтари, предназначенные для поклонения богине подземного царства.

– Разве Ариадна – богиня подземного царства? – удивилась Ника.

– В общем, да. Ариадна представляет Персефону и Афродиту в одном лице. Ты этого не знала?

– Ну... может, знала и забыла. Я помню легенду про нить Ариадны, – пролепетала она, слегка краснея, – которая вывела Тесея из лабиринта на Крите, но с удовольствием послушаю другие, если ты мне расскажешь.

Он рассказал, но уже на обратном пути, сейчас же ей пришлось выслушать не менее захватывающую историю об упавшем вместе с молнией Зевса на чертог Семелы деревянном чурбане – прямо с неба, да-да, – который позже Полидор, сын Кадма, отделал медью и нарек Дионисом Кадмом. Чурбан, безусловно, не принадлежал к архитектурным элементам дворца, иначе люди не стали бы говорить, что он упал с неба. Руины дворца Кадма, вероятно, вообще сохранились лишь потому, что изначально были местом культа – культа Диониса и культа Семелы.

Воздух над фиванским акрополем раскалился настолько, что стало трудно дышать. Мертвые серые камни взирали на двух пришельцев с нескрываемым пренебрежением. Полное отсутствие ветра усиливало ощущение паралича, болезненной неподвижности мира, в котором они очутились. Даже темная зелень хвойных деревьев сейчас казалась грязной, серой.

– Мне страшно, – шепнула Ника.

Оглянулась на Деметриоса. Оглянулась за поддержкой, но он словно мимикрировал, идеально вписался в окружающую среду. Это она, Ника, была инородным телом, а Деметриос чуждым ей, но не этой земле. Темная от загара кожа, темные брови, темные ресницы, темные волосы. Он словно вышел – да, из-под земли. Из-под земли. Но это значит... но...

Впоследствии она даже не могла объяснить в точности, что случилось. Привычная реальность вдруг дала трещину, и в трещину эту со всех сторон хлынули inferнальные образы. Музыка – совсем не такая, какую слышала она посреди ночи в Арахове, – оглушительная, безумная, ритмичная. Извивающиеся, изгибающиеся в танце полуобнаженные женские тела. Что здесь происходит? Празднование события или отправление ритуала? Бум, бум, бум... А это что за звук? Быть может, мое собственное сердце? Музыка задает ритм для всех бьющихся вокруг сердец. Все громче и громче, все жарче и жарче. Уши закладывает от рева или вопля, не то звериного, не то человеческого. Нет, человек не может издавать такой рев – аж изнутри... Это бык! Бык! Он приближается. Топот копыт сливается со стуком сердец. Бум, бум... Сверкание топора, сладострастное «ах!..» возбужденной толпы. Но не от топора падет бык, он падет – о мой бог, он падет от рук и зубов человеческих!

– Ника! Ника! Ты меня слышишь? – Голос Деметриоса выдернул ее из этой странной фантазии, и она ощутила острый прилив благодарности. – Нет, не вставай. Посиди еще пять минут.

Выяснилось, что она сидит на более-менее гладком камне в тени роскошной пинии, средиземноморской сосны, при этом голова ее покоится на широком мужском плече. Невыносимая пошлость этой сцены, достойной дамского романа, отрезвила ее. Она выпрямилась и посмотрела в упор на Деметриоса.

– Это все жара.

Он кивнул.

– Да. Апеллей – самый первый и самый жаркий месяц года.

Апеллей. Июль. Но... первый месяц года? Голова у нее опять пошла кругом. Слишком много вопросов. Да еще череда пугающих образов, промелькнувших перед ее мысленным взором.

– Что ты видела? – спросил Деметриос, протягивая ей бутылку воды.

Ника изобразила непонимание.

На подвижном лице Деметриоса появилась тень досады.

– Тебе же что-то привиделось, так? Пригрезилось, приснилось. Вот я и спрашиваю что.

– У меня нет никаких экстрасенсорных способностей, если ты об этом.

– И все же. – Он не спускал с нее глаз. – Что ты видела?

С величайшей неохотой – язык едва поворачивался, и вовсе не из-за жары, – она начала рассказывать о женщинах, быках и топорах. Редкостный сумбур. Или нет? Похоже, все, что она слышала или читала раньше о культе Диониса, смешалось в ее голове.

– Свита Диониса состояла преимущественно из женщин, правильно? – бормотала она, стараясь не провалиться опять в яму с видениями. – И женщины танцевали под музыку... фиады или менады, не помню кто из них...

– Во время празднеств первого года – фиады, во время празднеств второго года – менады, – подсказал Деметриос, скорее всего, машинально.

Ника почувствовала, что окончательно теряет нить.

– Первого года и второго года – чего?..

– Триетериды. Но не отвлекайся, прошу тебя. Говори.

– Так вот. Женщины, музыка – ладно, допустим. Но при чем тут бык? – Он уже открыл рот, чтобы ответить, но она схватила его за руку. – Нет! Нет! – Все происходящее вдруг обрело необъяснимую важность. – Сначала вот что: почему я вообще все это увидела? Раньше ничего подобного...

– Потому что ты здесь – это раз, – невозмутимо пояснил Деметриос. – И потому что ты здесь со мной – это два.

Она молча уставилась на него, ожидая продолжения.

– Ты сказала, что не обладаешь экстрасенсорными способностями. Так вот со мной рядом такие способности у людей появляются. – Он улыбнулся. – Я бы назвал их визионерскими.

– То есть... – Ника не знала, верить ли ушам. – Дело в тебе? Ты направил мне эти образы?

– Нет. Но иногда я работаю как ключ, отпираю в чужих головах какие-то двери. Это происходит само собой.

Первая мысль была: «Ой... кто из нас двоих сумасшедший, я или он?» И вторая: «Интересно, дорогуша, как ты теперь будешь выходить из положения?» Положение было, прямо сказать, незавидным. Она находилась в сердце Беотии, одного из центральных греческих номов, вокруг громоздились легендарные руины, залитые безжалостным солнечным светом, а рядом сидел человек, о котором она не знала ровным счетом ничего, которому слепо доверилась в трудную минуту и который оказался гораздо опаснее всех, кто шел по ее следам. С другой стороны, стал бы он устраивать ее в собственном доме, катать на собственной машине и ока-

зывать прочие знаки внимания, если бы на уме у него было дурное. В чем же опасность? Эти его движения, эти взгляды... ощущение скрытого огня.

– Так вот о быках, – заговорил Деметриос, подхватывая ее под руку и увлекая на усыпанную сосновыми иглами дорожку, ведущую к очередным развалинам. – В облике быка Дионис являлся грекам, но не только в облике быка, но и в облике бога вина и бога женщин. Змея, четвертый из дионисийских элементов, была атрибутом вакханок, однако она часто встречается на изображениях минойских богинь или жриц.

– Минойских?

Топор с двусторонним лезвием. Фрески из Кносского дворца.

– Да. Если использовать медицинский термин, все это – виноград и бык, женщины и змеи – своего рода синдромы, образующие элементарные контексты великого мифа жизни. Я имею в виду ζωή, – он произнес «зои», – жизнь бесконечную. В греческой культуре это миф о Дионисе, в минойской – миф о божестве, более древнем, чем божество, узнаваемое в брожении меда.

– Но бесконечную жизнь имеют только вампиры из готических романов. Конечно, их можно убить, но для этого требуется либо осиновый кол, либо солнечный свет, либо крест, либо чеснок, либо все вместе. – Не то чтобы ее вдруг разобрала охота шутить при сорокоградусной жаре, скорее разозлило то обстоятельство, что каждый ответ Деметриоса порождал новые вопросы. – Про мед ничего не знаю.

Он остановился и некоторое время смотрел на нее с каменным лицом, но в глазах плескался смех.

– В греческом языке имеется различие между жизнью бесконечной и жизнью конечной, ζωή («зои») и βίος («биос»). Слово ζωή означает жизнь вообще – жизнь всех существ, вместе взятых. Слово βίος, напротив, выделяет характерные черты определенной жизни – то, что отличает одно существо от другого. Ты и я, – Деметриос коснулся указательным пальцем сначала лба Ники, затем собственного лба, – представляем собой два разных βίος-а. Господин наш Дионис представляет собой ζωή. Если мы пойдем дальше, то увидим, что βίος не образует взаимоисключающего противоречия со смертью. Отдельной жизни принадлежит и отдельная смерть. Взаимоисключающее противоречие со смертью образует ζωή.¹

Господин наш Дионис. Так он сказал. Господин наш...

Силы ее иссякли, и она жалобно попросила:

– Поедем домой.

¹ Карл Кереньи. ДИОНИС. Прообраз неиссякаемой жизни.

6

Музыка! Опять эта музыка за окном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.